

ЗА ПИЩЕВУЮ ИНДУСТРИЮ

Фото Л. Ганд.

Участники армянской национально й пляски, работники Ленинаканского мясокомбината (справа налево): Чахоян Сурик — ученик колбасного цеха, Погосян Онник — бухгалтер, Погосян Мнацаган — счетовод и Хачатурьян Георг — слесарь.

Зрелище народной радости

Н. КАЛЬМА

По всей стране прошли олимпиады, в которых участвовали десятки тысяч пишевинов. Лучшие из них выступают сейчас в программе «Изобилие».

Некий «Мистер-Твистер» с супругой приезжает в Советский Союз. «Мистера-Твистера» — огромный багаж. Мистер боится голода, мистер привез с собой масло, птицу, шкуру, конфеты. И вдруг оказывается, что на каждом ящичке продуктов стоит «Made in USSR».

Не сразу пришло изобилие. Страна прошла тяжелый путь сквозь голод, тиф, фронты. Свежи в памяти очереди у магазинов в ожидании ржарной селедки, все думают железнодорожные составы, наполненные мешочниками, о которых напомнили второй и третий эпизоды спектакля. Но тем ярче нынешний наш расцвет. Тем радостней торжество изобилия.

Вспыхивает белый экран. До земли клонится тяжелый возок. Сосески маршируют в Советский Союз. Тучные коровы пасутся на лугах. «Алеут» заарканит кита. В коробках копошатся похотливые на пуховки цыплята, белые леггорны клюют корм. Короткий фильм режиссера И. Посельского сделан легко и умно. И зритель начинает испытывать великую гордость хозяина, у которого полны закрома, он чувствует вкус и запах изобилия.

Кинофильм уступает место живым людям. Николай Болдырев — выучившийся Трама ростовского клуба табачников — очень весело ведет роль повара. Повару сообщили, что вскоре придет мастера изобилия. Нужно их хорошенько угостить. Повар, взяв с собой поварят (оберточницы Ленинградской карамельной фабрики), отправляется по республикам Союза закупать продукты для торжественного ужина.

Начинается самая красочная часть спектакля — выступления коллективов братских республик. Каждый на

своем языке славит новую жизнь, славит любимого Сталина. Поют казахи и киргизы, танцуют вдохновенно и гибко стажановка Ташкентского хлебокомбината узбечка Хатиря Раксиева.

В вихрем, переменном танце проходят калмыки — рабочие Лаганского рыбозавода. Лица их неподвижны и торжественны — это почти шествие, и головные уборы женщины напоминают уборы индийских жрецов. Мгновение — и сзади, в рамке, как в огромном окне, появляется море, крутой залив и желто-розовые продолговатые зблочки. По этим немовим приметам, так улачно подобранным художником А. Романовым, каждый понимает, что он — в Крыму. И танец крымских татар — пластичная «Хайтарма», исполняемая симферопольскими консервницами, дополняет впечатление.

А в окне — новый вид: зелено-синие холмы, кипарисы и темноволосая грузинка в прозрачной «лечачке».

Черески с газырями, кивжалы у пояса, барашковые шапки и бесчисленные тары, дудуки, бубны, зурны, барабаны — хрупкие и звонкие народные инструменты. Важны в историческом были пляски калмыков и узбечков. Быстрый темп, огневой темперамент в плясках народов Дагестана, Армении, Грузии. Даже дети — Нпазбек Шушукон и Сатид Гасанов, вылетающие на сцену в лезгинке, наделены этим темпераментом и пляшут так, что весь зал начинает закигаться и ноги сами собой подтанцовывают под стульями.

Армянские пишевины выходят под пронзительный свист дудуки, на их пальварах — красные розы — национальный цветочек Армении. Они приехали с синего озера Севан, отсюда, где добывается нежная пятилистная форель. Они танцуют каждым мускулом своего тела, каждым движением смуглого лица. Присутствие других танцевальных коллективов подзадоривает их, они соревнуются с бакинским ансамблем клуба пекарей. В бакинской группе танцует Толя Саркисов — шестнадцатилетний сын пекаря. Он машет шарфом, он изгибается, как ящерица,

кажется, что тело его бесконечно. Он учится в школе, но мечтает стать танцором, потому что «танцы меня увлекают без ума», как он выражается. Культура танца высоко развита у бакинцев, — этот коллектив мог бы смело выступить на сцене любого театра.

Бурю восторга вызывает семилетний Юрий Давылов — также сын бакинского пекаря. Отец его, играющий в оркестре народных инструментов, аккомпанирует сынишке. Юрий летает по сцене в красной череске, похожий на язычок пламени. — он кричит тоненьким голоском «ааа!», и публика встает с мест, чтобы лучше разглядеть этого маленького чудовища.

Уходят кавказцы и на смену им являются рыбаки и охотники далекого Севера. Кирилл Маремьянинов и Илья Самар — талантливые изобразители веселых игр: «борьбы двух малышей», «фехтования» и «песни лесного старика». Зал хохочет, да и сами исполнители веселятся не меньше.

Украина прислала на спектакль «Изобилие» свои лучшие коллективы. Вся сцена и обе лестницы заняты цветистыми гирляндами парубков и дивчат. Они поют, аккомпанируя себе на банурах, пляшут головоломный гопака, и все это вместе походит на огромный сад, украшенный редкостными цветами.

К сожалению, второе отделение спектакля, несмотря на мастерство исполнителей, вышло слабее первого. Как будто ко второму отделению художник уже изстратил все свои краски, а постановщик всю свою мудрость. И стол можно было бы украсить интереснее и пышнее, действительно показав все наше изобилие, и рассадить по красочней участникам.

Неудачно оформлен и «танец консервов». Вообще после цветистого первого отделения второе выглядит более буднично, хотя коллективы и отдельные исполнители остаются на высоте. Очень хорошо поет рабочий Керченского рыбозавода Можжаев. Сцена оживляется появлением физкультурных коллективов: акробатической группы хлебопекарной промышленности Колосовы и девушки из физкультурного общества мясолодильщиков «Боец», исполняющих танец «Экспром». Эти два выхода имеют большой успех.

А потом в разных углах сцены и зала вспыхивает песня. Она полыхается сотнями голосов, звенит, ширится, взлетает к куполу, вырывается наружу. Это песня об изобилии, песня о золотых полях, о дружбе, о радостном творческом труде.